

Студенты младших курсов, как правило, читают меньше, круг чтения существенно уже, чем у студентов старших курсов, представления о литературе примитивнее. Респондентов мужчин больше всего интересуют детективный, исторический, фантастический и философский сюжеты, в то время как респонденты женского пола предпочитают любовный, детективный и психологический. Можно отметить, что респондентки отличаются повышенным интересом к современной украинской литературе. Большинство читателей активно интересуется «загадка и интрига», для женской аудитории также характерно внимание к эстетическим достоинствам текста.

Опрошенные гуманитарии далеко не всегда показывают себя более опытными читателями, чем студенты других специализаций, но обычно дают точнее и полнее ответы на открытые вопросы (например, о сущности массовой литературы), не относят писателей XX века к современной литературе и т. п.

Библиографические ссылки

1. Күфаев М. И. Книга в процессе общения / М.И. Күфаев // Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М.: Наука, 2004. – С. 97–159.

Надійшла до редколегії 3 травня 2014 р.

УДК: 821.161.1-82 Ахматова

В. П. Казарин, М. А. Новикова

Симферополь

СТИХОТВОРЕНИЕ А. А. АХМАТОВОЙ «ВИЖУ ВЫЦВЕТШИЙ ФЛАГ НАД ТАМОЖНЕЙ...» (Опыты реального комментария)

У статті запропоновано нове прочитання фіналу вірша А.А. Ахматової про Херсонесі (1912), яке дозволяє виявити діалогічну природу її «кримських» віршів. А.А. Ахматова веде безперервний розмову з храмами Херсонеса, що дозволяє молодому поетові сформулювати ідеї, повні розуміння яких стане доступно їй тільки через кілька десятиліть. Використано методи біографічний, реального коментування та глибинного поетологічного аналізу.

Ключові слова: *Ахматова, Херсонес, Крим, щастя, слава, біографія, методи реального коментування та глибинного поетологічного аналізу.*

В статье предложено новое прочтение финала стихотворения А.А. Ахматовой о Херсонесе (1912), которое позволяет выявить диалогическую природу ее «крымских» стихотворений. А.А. Ахматова ведет непрерывный разговор с храмами Херсонеса, что позволяет молодому поэту сформулировать идеи, полное понимание которых станет доступно ей только через несколько десятилетий. Используются методы биографический, реального комментирования и глубинного поэтологического анализа.

Ключевые слова: *Ахматова, Херсонес, Крым, счастье, слава, биография, методы реального комментария и глубинного поэтологического анализа.*

The article proposes a new interpretation of the final of Anna Akhmatova's poem about Chersonesos (1912), which reveals the dialogic nature of her "Crimean" poems. A.A. Akhmatova leads a continuous conversation with temples of Chersonesos, which allows the young poet to formulate the ideas, full of understanding of which will be available only in a few decades. Biographical, real commentary and deep poetological analysis methods were used.

Key words: Akhmatova, Chersonesos, Crimea, happiness, fame, biography, methods of real commentary and deep poetological analysis.

**<...> И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.**

Эти две последние строки из стихотворения, входящего в «крымский цикл» А.А. Ахматовой, обнаруживают новые загадки (с точки зрения глубинной поэтики) и новые неясности (с точки зрения реального комментирования). Начнём с реалий. Будем, однако, памятовать, что у А.А. Ахматовой реалии имеют обыкновение мгновенно перетекать в поэтические образы и символы.

Трижды А.А. вспомнит своё «главное место в мире» – Херсонес, античный город-полис, в 2013 году внесённый в список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [1, т. 5, с. 215, с. 236, с. 693]. Воля автора (а тем паче, поэта) вспоминать так, как ей вспоминалось почти шестьдесят лет спустя. Долг исследователей – проверять высказывания не только коллег, но и исследуемых авторов. Что же показывает такая проверка?

«Главное место в мире» отразилось в стихах А.А. более чем скромно. Спешим оговориться: имеется в виду не весь комплекс севастопольских окраин в районе между бухтой Стрелецкой и бухтой Песчаной, а именно античный Херсонес. В поэме «У самого моря» будут и белые, крутые, известняковые херсонесские берега, и плоский камень, на котором отдыхала «дикая девочка», девочка-русалка Аня Горенко, и золотые херсонесские пляжи, и мысы, и многое иное. Потом эти реалии, уже в другом, зрелом и горьком контексте, воскреснут в поэме «Путём всея земли».

Всё так. Но реалии эти – не детали собственно античного Херсонеса. А ведь к 1890-м годам раскопки древнего эллинского города, начавшего свое существование в VI веке до н. э. и ставшего «малыми Афинами» Северного Причерноморья, – уже открыли многое и поражали многих [4]. Причем поражал этот город, вышедший из-под земли, не только профессионалов – археологов, историков, филологов-эллинистов. Посмотреть на него приезжали любители старины, путешественники, люди культуры. К таковым, несомненно, принадлежала и семья Горенко, несмотря на нефилологическую профессию отца.

Да, родилась Аня Горенко в Одессе на Большом Фонтане (тоже, кстати, прелюбопытнейшем одесском пригороде). Но именно в Херсонесе

родные поведут дочь при полном параде дарить музею найденный ею кусок мрамора с греческой надписью [5, с. 32].

Да, в силу сложных семейных обстоятельств мать А.А. с дочерьми и сыном вынуждена была переехать в Евпаторию. Однако и Евпатория ахматовского отрочества была на редкость колоритным, исторически богатым, многоверческим и многонациональным городом. И гимназистка Аня Горенко – не старшекласники Бориса Балтера: евпаторийские «мальчики», которых запомнил в пору «оттепели» весь читающий Советский Союз. Автор повести – знал, они – как бы и не знали ничего ни про Джума-Джами, соборную мечеть выдающегося турецкого архитектора Синана, ни про уникальный монастырь дервишей, ни про духовный центр караимов – не менее уникальные евпаторийские кенасы.

Положим, воспоминания Б. И. Балтера могла ограничивать цензура. Но какая цензура мешала А.А. вспомнить Уваровскую базилику? Античную купальню с её изысканной мозаикой? Высеченную на мраморе гражданскую присягу херсонеситов? Уникальный театр IV–III веков до н. э.? И т. д., и т. п.

Вероятнее другое. Личный «херсонесский миф» (сперва «дикой девочки», потом «последней херсонесидки») значил для поэтического мышления Ахматовой больше, чем реалии исторического Херсонеса. Заметим: реалии исторического Бахчисарая (как древнего, так и 1916 года) тоже заслонены в её стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» личным «бахчисарайским мифом» о «золотом» – но вневременном! – Бахчисарае, месте действия их с Н. В. Недоброво лирического сюжета.

Реалии, мы видим, действительно перетекают в творческом сознании А.А. в символы, а из символов ткуются личные мифы.

Остается еще одна загадка – или тайна – ахматовского херсонесского стихотворения: его последние две строки. Точнее даже – полторы.

Напечатано это стихотворение было в февральской книжке журнала «Гиперборей» за 1913 год, а написано скорее всего в 1912 году. Авторская датировка «Осень 1913» в «Беге времени» [3, с. 71, 458] правильно указывает на сезон, когда стихотворение было написано, но никак не на год. Ведь именно к 1912 году (как можно судить по рукописям) относится большинство других стихотворений А. А., напечатанных в той же книжке журнала [3, с. 456]. Да и наполненная уходящим летним зноем атмосфера стихотворения тоже заставляет связывать его замысел с осенью 1912-го года, а не с зимой 1913-го.

А.А. в ту пору исполнилось 23 года. Для самой популярной женщины-поэта Серебряного века это возраст немалый. Но вдумаясь: а «знает» ли она не только в 1903-м, а и даже в 1912-м году, как «от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца»?

Вряд ли. И о «счастье», и о «славе» А.А. будет думать, – и очень пристрасно думать, – еще долго, по сути, до конца своих дней

(см. пророческую строку 1912 года: «Умирая, томлюсь о бессмертии...»). Об этом же свидетельствует и её обида на современников, русских эмигрантов, словно бы заперших её в 1910-х – начале 1920-х годов и забывших о ней последующей: пишущей, страдающей, но и мужающей. В том же ряду стоит и внимание А. А. к её зарубежным исследователям, их публикациям 1960-х, и оживленная реакция на литературную премию «Этна-Таормина», и разговоры с друзьями о возможной «Нобелевке» и др. Понять А.А. можно. Испить к двадцати годам полную чашу той самой славы, а потом на тридцать с лишним лет погрузиться в изоляцию, известность в узком – очень узком – кругу, – испытание и впрямь не из легких. Для нашей темы, однако, важно иное. «Красавица тринадцатого года», А.А. свою тогдашнюю славу с сердечным одряхлением не связывала.

То же можно сказать и о «счастье». А.А. 1912 года – автор первой книги стихов «Вечер», к которой «критика отнеслась благосклонно» [2, т. 2. с. 237]. Она уже два года замужем за знаменитым Н.С. Гумилевым. У них родился сын Лев. Каждый год Ахматова в Европе – в окружении незаурядных людей и больших культурных событий (например, «первые триумфы русского балета» в Париже [там же]). Она вся в водовороте страстей, ухаживаний, романов.

Снова оговоримся: речь идет не о пошлой «фам фаталь», модном женском типаже Серебряного века, так остро спародированном А.Н. Толстым в «Сестрах». Граф Толстой, вернувшись из эмиграции в СССР, поторопился разделаться со знаковыми фигурами этого века, его самого в знаковую фигуру не выбравшего. Так, толстовский поэт Бессонов – доказанная пародия на А.А. Блока. В таком случае почему не предположить, что бессоновская курортная (крымская!) пассия, актриса (т. е. женщина артистичная), худая, со змеиной пластикой, – не есть скрытая пародия на А.А. Ахматову? Как-никак, в глазах широкой публики оба поэта были символом и легендой Серебряного века: Он – как его идеальный мужчина, Она – как его идеальная женщина. Так что для массового мифосознания «роман» между ними подразумевался сам собой.

Но занимают нас сейчас не эти мифы и не эти пародии, а факт: поэзия и личная биография А.А., бесконечно от них далекая, все же их питала. Страстная натура А.А. не могла не тянуться к счастью. Их взаимоотношения с Борисом фон Анрепом (1913–1917) тому доказательство.

Итак, Ахматова 1912 года не ощущает себя ни дряхлеющей сердцем, ни равнодушной к счастью и славе. Откуда же появились в финале стихотворения эти строки? Кто их произносит?

Прежде ответа (в свою очередь, требующего дальнейшей проверки) обратим внимание на ахматовский глагол в строках предыдущих: «Всё глядеть бы на смуглые главы / Херсонесского храма...». «Глядеть» означает совсем не то же, что «поглядеть». Попробуем заменить этот

глагол: «Поглядеть бы на смуглые главы...». Тогда смысл финального четверостишия примерно таков: приехать еще раз в памятные места отрочества, повидать их – и с болью ощутить то, чего героиня-подросток еще не знала: цену своей будущей взрослой славы и счастья. Теперь (т. е. в 1912 году) она это уже знает.

Но ведь именно этого-то она и не знает!

Второй важный оттенок значения у глагола «глядеть» – его длительность. «Глядеть» долго может, конечно, означать и «любоваться», – но только не в ахматовском поэтическом мире. В нем множество пейзажей, они есть почти в каждой её лирической миниатюре. Нет – созерцательного, внедиалогичного любования: ни природой естественной, ни пейзажами урбанистическими.

О диалогизме (или полилогизме) ахматовской лирики, ее особой сюжетности написаны тома научных работ. Кажется, однако, никто из ахматоведов не сфокусировал внимания на том, что диалог – это разговор двух сторон (а не монолог в присутствии другого). И сюжет – это события, по-разному значимые для разных героев (а не для одного лишь субъекта действия, для кого все другие суть только объекты).

Если героиня глядит на «смуглые главы» Херсонесского храма, то ведь и главы эти тоже на нее глядят? Если она ведет с ними свой мысленный диалог (вся предшествующая часть стихотворения и представляет собою такой диалог), то ведь и «смуглые главы» ведут его с героиней? Тогда позволительно предположить, что заключительные полторы строки и есть их ответ ей – ответ на годы и десятилетия вперед. Она может этого не знать – это знают они.

Подобная гипотеза бросает новый свет и на те наблюдения, которые делались нами раньше. Оказывается, недаром «смуглые» у А.А. и купола херсонесского храма, и бахчисарайская осень, принесшая красные листья в подоле, и муза, пришедшая к поэту по горной дороге (т. е. с некоей высоты). Все они – действующие лица (а не «фон»); все имеют свою, более высокую точку обзора, свой голос в диалоге с поэтом.

Скажем, Осень не просто усыпает листьями ступени, «где прощались» героиня с героем. Этот жест – тоже реплика, притом реплика со многими значениями. Цветами усыпают дорогу жениху и невесте при венчании. Сухие осенние листья – своеобразный антипод венчального обряда. Усыпают цветами и погребальное шествие. Но яркий, «страстный» красный цвет опровергает и это истолкование как единственно возможное, не отменяя терпкого погребального привкуса, вносимого им в ситуацию прощания. «Принести в подоле» – народный фразеологизм; он значит «родить ребенка на стороне, вне законного брака». Однако Осень приносит героям не живого ребенка, плод любви, а мёртвые листья, плод встречи «на стороне». (Вспомним: А.А. к моменту этой встречи разошлась, но не «развенчалась» с находящимся на войне

Н.С. Гумилевым, а Н.В. Недоброво ждет в Алуште красавица-жена, самоотверженно ухаживающая за больным мужем.)

Тот же вывод применим и к «смуглой» Музе. Её смуглоту также можно трактовать как цвет-реалию (крымскую? итальянскую?). Вместе с тем смуглая Муза, которая будет опять и опять приходить к А.А., окажется не той, что «диктовала» Данте страницы «Чистилища» или страницы «Рая». Диктовала она, согласно А.А., страницы «Ада». От этого двустручия тоже разойдутся отражения далеко вперед – до «Реквиема», с его застенками, и «Поэмы без героя», с ее дьявольским карнавалом. И вновь об этом будущем еще не догадывается крымская Ахматова, но уже ведают ее «смуглая» собеседница и «смуглые главы» Херсонесского храма...

Заключение к теме «Ахматова и Крым» дописать (как мы убедились) пока невозможно: работы здесь хватит надолго. Можно, на наш взгляд, уже сегодня констатировать: в судьбе Ахматовой Крым сыграл роль, подобную его роли в судьбе Пушкина. Многоголосый, поликультурный, насквозь «диалогичный» и метафизичный, – Крым как бы зарядил этими свойствами всех великих художников, попавших в его силовое поле.

Библиографические ссылки

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений. В 6 т. / А. А. Ахматова. – М.: Эллис Лак, 1998–2002; Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Худож. лит., 1986.
3. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского / А. А. Ахматова. – Изд. 2-е. – Л.: Наука, 1977. – 387 с. – (Библиотека поэта. Большая серия).
4. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. Под редакцией Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. – СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. – 1552 с. – С. 280.
5. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. – Изд. 2-е, испр. и доп. / В. А. Черных. – М.: Индрик, 2008. – 768 с.

Надійшла до редколегії 30 березня 2013 р.

УДК 821.161.1 – 312.6.09

О. А. Кирпа

Днепропетровск

ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аналізується наукова література з особливостей російської автобіографії. Розглядаються нові літературні явища.

Проводиться порівняння наукових монографій, в яких мова йде про генезис, поетику та типологію автобіографічної прози. Обрані найбільш цікаві, на наш погляд, класифікації автобіографій А. Павловського та Н. Ніколіної, у яких приділено велику увагу проблемі адресата, елементам «автокомунікації», ролі «чужого» слова,